

## **Локализация: стратегическая альтернатива глобальному авторитаризму**

English title blog: *Localization: a strategic alternative to globalized authoritarianism* (blog, May 12th, 2018)

**Written by: Helena Norberg-Hodge – Founder & Director, Local Futures**  
**Перевод / translated by: Elena Fedina/ Елена Федина**

В последние годы все виднее становится уклон в более консервативную сторону на мировой политической сцене, и это не может не волновать тех из нас, кто борется за мир, равенство и будущее нашей планеты. Мы задаемся вопросом, как это случилось? Как популизм превратился в настолько разделяющую и разрушительную силу? Как получилось, что авторитаризм снова доминирует на политической сцене?

Благодаря моему более чем 40 летнему опыту в индустриальной и в земледельческой культурах, я пришла к выводу, что основная причина - глобализация. Я имею в виду мировую экономическую систему, в которой сегодня живет большинство из нас. Это система, движимая постоянными корпоративными дерегулированиями, и сформированная неолиберальной капиталистической идеологией. Однако глобализация глубже, чем политика или экономика. Она имеет глубоко личные последствия.

Благодаря глобализации значительно возросла конкуренция, стабильность трудоустройства осталась в прошлом, и большинству людей становится все сложнее заработать на жизнь. В то же время по всему миру культурное разнообразие заменяется потребительским монокультурами, что угрожает уникальной идентичности. Неудивительно, что при таких обстоятельствах люди все меньше уверены в будущем. За почти столетие маркетологи усвоили, что неуверенных людей легче использовать. Однако сегодня на людей обрушиваются не только маркетинговые кампании про дезодоранты и отбеливатели зубов. Неуверенность делает людей более восприимчивыми к пропаганде, которая подталкивает их винить во всех своих бедах "другие" культуры.

Я продемонстрирую, как это происходит, на примере Ладакха, или Маленького Тибета. Я впервые оказалась там много лет назад, и проработала более четырех десятилетий. Ладакх находится на границе Индийских Гималай и до конца 60-х годов XX века был относительно изолирован как культурно, так и экономически. Я приехала туда в начале 70-х, когда индийское правительство запустило кампанию для западных девелоперов, что и дало мне возможность прикоснуться к остаткам древней культуры и вживую наблюдать перемены, пришедшие вместе с модернизацией.

В древних культурах основная работа была сосредоточена на создании главных предметов для выживания - продовольствия, одежды и жилища. Несмотря на малое количество денег, у нас нет свидетельств той бедности, которую мы сегодня наблюдаем повсюду в так называемом "развивающемся" мире: поголовный голод и истощение, отсутствие адекватных жилищ и доступа к чистой питьевой воде. Напротив, повсюду в Ладакхе мне говорили: "Мы тунг-бос-за-бос", что означает "мы самодостаточны, у нас есть вдоволь еды и воды".

За годы, что я провела в Ладхаку, я видела невероятный уровень социальной гармонии. Особенно примечательным было то, что буддийское большинство и мусульманское меньшинство мирно жили бок о бок. Конечно, как в любом сообществе там бывали проблемы, но та гармония и радость от жизни, которую я испытала там, были несравнимы с тем, что я знала в Европе.

Однако в течение десяти лет произошел ужасный сдвиг, и буддисты и мусульмане начали воспринимать друг друга как врагов. Этнические и религиозные различия начали выливаться в политические разногласия, и вызывать невиданную прежде враждебность. Ладакхская молодежь, для которой религия была всего лишь одной из сторон повседневной жизни, начала подчеркивать свою религиозную принадлежность и набожность. Мусульмане начали настаивать, чтобы их дочери покрывали головы платками. Буддисты в ответ начали передавать свои молитвы по громкоговорителям, соревнуясь с мусульманским призывом к молитве. Религиозные церемонии, раньше отмечавшиеся буддистами и мусульманами вместе как сообществом, стали поводом похвастаться своим богатством и силой. В 1989 году напряжение между двумя группами привело к всплеску насилия и унесло несколько жизней. Я слышала как кроткие буддийские бабушки, еще несколько лет назад пившие чай с мусульманскими соседями и отмечавшими их религиозные праздники, заявляли: "Мы должны убить мусульман пока они не прикончили нас".

Сторонние наблюдатели списывали такие конфликты на давние этнические разногласия, однако согласно записям за последние 600 лет они ни разу не приводили к насилию. Благодаря тому, что я свободно говорила на местном языке и жила в Ладакхе много лет, у меня была уникальная возможность увидеть вещи как глазами постороннего, так и местного жителя. Мне было очевидно, что между экономическими изменениями из-за западного девелопмента и внезапными вспышками насилия есть прямая связь.

Наиболее заметные изменения в экономике произошли в фермерстве и еде в целом. Импортированная еда была щедро субсидирована индийским правительством и продавалась вдвое дешевле, чем местные продукты. Это создавало иллюзию "неэкономичности" местного сельского хозяйства.

Самодостаточность в производстве еды быстро сменилась зависимостью от глобальной продуктовой системы. Многие жители Ладакха, подавляющее большинство которых были фермерами, задумались о том, есть ли у них будущее.

Изменения в системе образования также нанесли огромный урон. Ранее дети учились тому, что помогало им выжить в этой суровой местности, и даже жить в достатке: они учились выращивать еду, ухаживать за животными, строить дома из доступных ресурсов. Новые школы были устроены на западный манер, и детей учили вещам более уместным для городской среды в глобальной экономике: образу жизни, в котором практически все необходимое импортируется. Новые школы не учили ничему из традиционного образа жизни, наоборот, детей косвенно учили презирать традиционную культуру.

Центр политической и экономической силы также сместился. Традиционно семья была хозяйственным центром, а самые важные решения принимали всей деревней. С приходом западной модели, экономика и политическая сила оказались сосредоточены в столице Лех. Жители других поселений оказались без права голоса в вопросах, которые влияли на их жизнь. В то же время юноши уезжали из родных деревень в Лех в поисках работы. Оказавшись отрезанными от родных и близких, соревнуясь с сотнями таких же кандидатов в поиске редкой работы, они постепенно теряли когда-то сильное ощущение идентичности.

Наплыв иностранных туристов, спутниковое телевидение и рекламные кампании только усиливали все эти изменения. Они представляли романтизированный образ западной городской культуры на фоне которой Ладакх казался глупым и отсталым.

Мне было очевидно, что приход мировой экономики создал всепроникающее чувство беспомощности и опасности. На бытовом уровне ладакхцы все больше зависели от заграничных производителей и централизованной бюрократии, и все меньше друг от друга. Морально они потеряли уверенность в себе и своей культуре. Несложно проследить как люди, которые чувствуют страх и бесправие, становятся более злыми и радикализованными.

Эти изменения в Ладакхе случились с такой невероятной скоростью и с таким размахом, что их связь с глобализацией, бесправием и конфликтами была очевидна. Также было очевидно, что те же процессы идут по всему миру: я осознала, что экономическая система стала проводником страха, фундаментализма и политической нестабильности. Как на мировом севере, так и на мировом юге, невероятная моральная и материальная нестабильность, поддерживаемая глобализацией, многократно усилила способность демагогов использовать страх и предубеждение для манипуляции общественным мнением.

Чтобы обратить эту тенденцию недостаточно ни политики идентичности, ни традиционного "левые" против "правых". Вместо этого нам нужно кардинально изменить саму структуру экономических сил, чтобы добраться до корня проблемы. Эти силы были созданы дерегуляцией международных банков и корпораций. Обращение этих процессов - наша главная надежда, чтобы достичь мира и стабильности.

Жизненно важно увидеть глобальную связь между дерегуляцией корпораций и разрушением демократии, ростом фундаментализма и насилия, и приходом все большего количества крайне правых лидеров к власти. Эти связи игнорируются традиционными медиа.

## **Глобализация и бесправие**

Многие люди, особенно либеральных взглядов, ассоциируют глобализацию с международным сотрудничеством, путешествиями и распространением гуманитарных ценностей. Но по своей сути глобализация - это экономический процесс, на котором с конца Второй Мировой Войны строилась неolibеральная идеология и корпоративная повестка. На международном юге этот процесс описывается как "развитие", на севере - как "прогресс". Однако как на севере, так и на юге базовые процессы одинаковы: дерегуляция, централизация и приватизация бизнеса, финансов и политики.

Сегодня эти цели чаще всего достигаются благодаря договорам "свободной торговли", которые дают корпорациям свободу перемещаться по миру в поисках самой дешевой рабочей силы, наименее строгих законодательств вокруг здравоохранения и защиты окружающей среды, самых выгодных налоговых льгот и самых щедрых субсидий. Подобные договоры позволяют корпорациям перемещать офисы и фабрики (а с ними и рабочие места) куда им захочется. Эти договоры даже дают корпорациям право судиться с правительствами из-за законов и ограничений, которые могут угрожать их прибыли, выставляя демократию на посмешище. Находясь во власти системы, требующей постоянного роста, экономика местных сообществ поставлена под угрозу, а сами сообщества вынуждены зависеть от непостоянной корпоративной экономики, над которой у них нет никакого контроля.

Несмотря на кажущуюся естественность, траектория роста корпоративного влияния не неизбежна или естественна, и она не является следствием так называемой "эффективности от масштаба". Это результат десятилетий политических решений правительств многих стран, а также таких международных организаций как Мировой Банк и Международный Валютный

Фонд, которые осознанно поддерживают большие международные корпорации в надежде, что это приведет к миру и благосостоянию. Международные корпорации и банки не только извлекли выгоду из трудовых, здравоохранительных, экологических стандартов и стандартов безопасности, но и получили огромные налоговые льготы и прямые субсидии. Что еще хуже, корпоративные системы построены на ряде не прямых субсидий: по большей части для инфраструктуры, от которой напрямую зависит глобализация. Международным поставщикам, таким как Wal-Mart, Amazon и Apple с одной стороны нужна хорошо развитая и постоянно расширяющаяся транспортная система из портов, железных дорог, аэропортов и скоростных магистралей. С другой - огромное количество обильно субсидируемого ископаемого топлива для самой транспортировки. Им также необходимы передовые спутниковые технологии для коммуникаций, чтобы следить за своей цепью поставщиков и перевозчиков. Подобные технологии также необходимы международным банкам и другим финансовым институтам, чтобы свободно перемещать капитал по миру. Практически в каждой стране образовательная система была перестроена таким образом, чтобы учащиеся получали образование, которое необходимо в корпоративном мире. Все эти механизмы на системном уровне поддерживают не местные или локальные бизнесы, а большие и глобальные компании, и чаще всего за это платят не корпорации, а налогоплательщики.[1]

Даже если на первый взгляд кажется, что компания была создана харизматичным бизнесменом-основателем с нуля, на деле она во многом обязана щедрости государства. Мариана Мацукато показывает, что даже iPhone был не столько продуктом воображения Стива Джобса, сколько государственно профинансированным исследованием Министерства Обороны США и Национального Научного Фонда [2]. Футуристический бизнес Илона Маска выиграл не только от \$5 миллиардов прямой местной, региональной и федеральной поддержки, но и от десятилетий научных исследований в частности в области ракетотехники.[3]

### **Рабочая нестабильность**

По мере того как корпорации становились все более свободными, предоставляемые ими рабочие места оказывались все более бесправными. Например, согласно подписанному в 1994 году соглашению о Североамериканской зоне свободной торговли США потеряло около 700 000 рабочих мест из-за того, что многие производства были перевезены в Мексику с более низкими зарплатами и худшими защитами прав работников. [5] Однако глобализация похожа на непрекращающуюся гонку ко дну: далеко не все рабочие

места остались в Мексике. Между октябрём 2000 и декабрём 2003 Мексика потеряла 300 000 рабочих мест из-за того, что экспорт массовой продукции из Китая в США был дешевле.[5] В итоге мексиканские фермеры оказались в наибольшем проигрыше: субсидированные сельскохозяйственные товары из США попали на местный рынок и поставили под угрозу выживание около 2,3 миллионов фермеров. [6] Многие из них подались в уже переполненные города, где они были вынуждены конкурировать с другими фермерами с похожей судьбой за низкооплачиваемую индустриальную работу. Из-за отсутствия возможностей на родине многие были вынуждены иммигрировать (легально или нет) в США. По иронии судьбы эти жертвы глобализации часто становятся козлами отпущения в глазах консервативных американцев, сетующих на безработицу.

В то время как СМИ подчеркивают все улучшающееся качество жизни среди индустриальных работников глобального юга, все выгоды для работников перевешиваются выгодами для корпораций, которые могут перевести свои производства за рубеж. Менее 2% от цены нового iPhone достается китайским работникам на заводе, а 58% Apple собирает в качестве чистой прибыли.[7]

Понижение уровня жизни происходит не только из-за сокращения рабочих мест, но и из-за постоянной угрозы, что производство можно легко перевезти в другое место, если рабочие не согласятся на низкие зарплаты, более долгие смены и худший соцпакет. Таким образом многочисленные действующие соглашения о "свободной торговле" не дают работникам возможности торговаться за лучшие условия и еще больше снижают зарплаты, даже для тех рабочих мест, которые не были переведены за рубеж.

По мере того как компании растут и становятся более централизованными, количество рабочих мест сокращается. Когда международная корпорация, поддерживаемая налоговыми льготами и субсидиями, приходит на новый рынок, местная экономика обычно теряет рабочие места из-за банкротства менее крупных конкурентов, которые больше полагаются на ручной труд. Исследования показывают, что открытие каждого нового супермаркета в Великобритании привело к потере 276 рабочих мест.[8] Согласно отчету ILSR (Institute for Local Self-Reliance, Институт о Локальной Самодостаточности) онлайн магазин Amazon уничтожил на 150 000 больше рабочих мест, чем создал.[9] Наряду с другими онлайн продавцами Amazon получил прямую выгоду от транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, построенной на деньги налогоплательщиков. Компания также не собирала местные и региональные налоги со своих покупателей в США (а местные правительства в них отчаянно нуждаются), что дало им ценовое преимущество над традиционными местными магазинами вплоть до 9,75%.[10]

В то же время многие рабочие места исчезают из-за технологического прогресса. Очевидный пример - производственная промышленность. Конвейеры и роботы заменили большое количество квалифицированных работников. Однако новые технологии оказывают похожее влияние и на сельское хозяйство. Мировые рынки зависят от экспорта и требуют огромного количества стандартизированных товаров. Производство подобной еды в таком масштабе означает производство монокультур, что в свою очередь полагается на индустриальные машины, химические удобрения и небольшое количество работников. В результате в сельскохозяйственном секторе стал заметен стремительно снижающийся уровень жизни. В Евросоюзе за последние 10 лет исчезло почти 4 миллиона ферм размером менее 10 гектар. Всего 3% ферм контролируют более 50% сельхоз земель во всем Евросоюзе.[11] Бюро переписи населения США оценило фермеров настолько незначительной частью населения, что перестало выделять их в отдельную категорию. По их оценке в Америке сейчас больше людей сидит в тюрьмах, чем занимаются сельским хозяйством.[12] С усложнением информационных технологий многие задачи все чаще выполняются компьютером, а не человеком. Пока дешевый ручной труд и крайне специализированные позиции относительно защищены от этого тренда, но технологическое развитие заставляет всех волноваться о будущем трудоустройстве.[13]

### **Политическая неуверенность**

Дерегуляция корпораций, включая банки, позволила горстке гигантов монополизировать международные рынки. Некоторые выросли много больше своих стран как по прибыли, так и по политическому влиянию. Эти многонациональные компании использовали свое беспрецедентное влияние на лоббирование правительств и добились еще большей дерегуляции. В частности, они часто прибегали к использованию пунктов из ISDS (Investor-state dispute settlement, стандарт международного права, по которому инвесторы могут судиться со странами в случае подозрений о дискриминации). Эти стандарты включены в большинство договоров о свободной торговле и служат для подрыва регулирующих мер, защищающих население.[14]

В то время как большие игроки поступают как захотят благодаря договорам "свободной торговли", для менее крупных участников эти договоры означают больше ограничений и запретов. Большие компании лоббируют правительства, чтобы добиться ограничений для малого бизнеса через сверхвысокие стандарты и запутанную бюрократию. Во многих случаях малый бизнес сталкивается с

несправедливым регулированием, направленным на решение проблем, связанных с производством в гораздо большем масштабе. Например, для промышленных птицеферм однозначно необходимы строгие экологические и здравоохранительные стандарты. Миллионы генетически-идентичных птиц, запертых в маленьких клетках, склонны к более частым заболеваниям. Необходимы процессы для безопасной очистки пространств от продуктов их жизнедеятельности. Наконец, перевозка на дальние дистанции подвергает продукцию риску порчи. Однако небольшие производства, такие как ферма на несколько десятков вольно выгульных кур, должны следовать тем же правилам, что зачастую приводит к таким расходам, что становится невозможно свести концы с концами. Большие производители могут распределить затраты на соответствие таким стандартам за счет большего товарооборота, производя впечатление, что экономика масштабирования более выгодна, чем небольшие производители.

В то же время сами правительства бедствуют из-за нерегулируемых корпораций. Бюджеты тратятся на субсидии большим бизнесам, и не пополняются из-за налоговых льгот, вывода денег в офшоры и перевода денег корпорациями в страны с более низкими налоговыми ставками. Правительства становятся должны все большие суммы международным банкам и корпорациям из-за финансовых дерегуляций. В то же время, те же правительства покрывают все внешние расходы на социальные и экологические проблемы, которые являются неизбежными последствиями глобального роста.

Многие люди испытывают недовольство, злость и разочарование в современной политической системе из-за того, что она становится все более далека от них, и они не могут влиять на важные для их жизни решения. Большинство винит во всем местные правительства, хотя на деле вся международная демократическая система скомпрометирована де-факто правительством из банков и корпораций. Из-за отсутствия понимания глобальной расстановки сил, все большее число людей верят лживым заявлениям и уверениям нетрадиционных, авторитарных кандидатов, что в свою очередь ведет к их становлению во власти

## **Моральная неуверенность**

Одновременно с разрушением экономики городов и даже стран, также рушатся связи между соседями. Это ведет не только к социальной изоляции и фрагментации, но и к уничтожению системы поддержки, на которую можно опереться в трудное время.

В то же время потребительская культура, которая питает рост корпораций, только расширяет свое влияние. Люди по всему миру видят рекламу с одним и тем же посланием: "Ты недостаточно хорош, но ты можешь стать лучше, если купишь наш продукт".

Межличностные отношения становятся менее значимы, а примеры для подражания из реальной жизни заменяются далекими, искусственными, идеализированными образами в мире социальных сетей, и подобные нездоровые сравнения рушат жизни. Подобные тенденции связывают с ростом таких расстройств как анорексия, тревожность, агрессия и даже суицидом, а социальная изоляция, стресс и все усиливающиеся экономическое давление привели к росту эпидемии депрессий и различных зависимостей.

Люди, которые только оказались лицом к лицу с новым типом экономики, ощущают бессилие и оказываются маргинализированы, что приводит к большей вере в предрассудки. Особенно на глобальном юге, распад местных сообществ и культур разрушает ключевую составляющую отношений и самоидентичностей. Зачастую они заменяются нездоровыми альтернативами, которые отражают естественное желание к принадлежности. Идеологический фундаментализм и экстремизм предлагают простое объяснение ухудшающейся социальной и личной жизни, а также радикальное решение. Он дает одобрение личности, смысл, чувство солидарности и ощущение общности - все базовые человеческие потребности, которые подрываются глобализацией.

Этнические конфликты, фундаментализм и радикализация на глобальном юге во многом спровоцированы искоренением земледельческого населения. На мировом севере более сельские области так же опустели из-за глобальных экономических сил. Когда небольшие семейные фермы стали связаны с глобальной продуктовой экономикой, они стали жертвами все растущих цен на семена и оборудование (поставляемое большим агробизнесом) и падающих цен на саму продукцию. Они просто не могут конкурировать с субсидируемым агробизнесом, который нацелен на экспорт. Как раньше небольшие фермы помогли создать местные сообщества и экономики, так их исчезновение привело к уничтожению тех же сообществ. Молодые люди, выросшие в сельских областях, зачастую не видят для себя будущего. Дело не только в отсутствии работы, но и в постоянном давлении со стороны медиа и рекламы, где городская жизнь подается как крутая, гламурная и интересная на контрасте с их повседневностью. Все это происходило в Ладхаке, и продолжает происходить по всему миру. Например, в США так называемая центральная часть страны стала плодородной почвой для ультраправых авторитарных движений.

## **Вызов авторитаризму: перспективы локализации**

Сейчас срочно нужно распространять знания о последствиях экономической дерегуляции и ее влиянии на сообщества и жизни людей. Псевдо-решения вроде Трампа, Брексита и им подобные набирают силу только из-за неведения об этой системе. В то же время глобальная экономика продолжает неограниченно развиваться. Несмотря на то, что ультраправых часто клеймят как анти-глобалистов, на самом деле они только укрепляют и поддерживают международные монополии.[16]

Любое движение, которое пытается решить проблемы несправедливого населения, должно не только пролить свет на систематические проблемы дерегуляции, но и предложить альтернативу. Я уверена, что экономическая локализация - это наиболее стратегическое решение. Путь к локализации будет поворотом на 180 градусов в экономической политике. Бизнес и финансы будут привязаны к месту и подотчетны демократическим процессам. Это означает новую регуляцию мировых корпораций и банков, а также изменение распределения налогов и субсидий, которые теперь будут направляться на поддержку небольших местных альтернативных решений. Для восстановления демократии и реальной экономики, основанной на воспроизводимом потреблении ресурсов, критически необходимо заново создать более сильные, более разнообразные, самодостаточные экономики на уровне стран, регионов и городов. Такая экономика будет напрямую служить на благо человеческих нужд, сглаживать неравенство и поддерживать социальную гармонию.

Подобных изменений не добиться простым голосованием за новых кандидатов внутри уже скомпрометированной политической структуры. Вместо этого необходимо создать разнообразные и объединенные движения, которые и станут движущей силой, способной приблизить системную локализацию. Это означает просвещение о том, как глобализация уже сделала посмешище из демократии, и о том, что бизнесы должны быть привязаны к определенному месту, чтобы их можно было привлечь к ответственности и заставить следовать демократическим процессам. Нам нужно начать обсуждать политические программы: о социальной справедливости и мире, о безработице, об окружающей среде, о духовных и моральных ценностях. Это означает просвещать о наличии общих интересов, которые объединяют одиночные кампании и позволяют сотрудничать людям с разными политическими убеждениями. Необходимо создавать местные группы, которые будут встречаться лицом к лицу. Они будут объединяться на уровне страны, а позже - на международном уровне. Это поможет сформировать внутренне разнообразное движение, критическую массу, которая может выступить на политической арене и оставаться верной демократическим и анти-

корпоративным взглядам несмотря на неизбежные стычки с противоположными интересами.

И хоть подобное глобальное движение еще не сформировалось, в некоторых странах уже можно заметить широко распространенное желание коренных перемен. Во время последних выборов в Великобритании партия лейбористов включила в свой манифест несколько прогрессивных пунктов, в частности - заново национализировать ключевые секторы экономики, которые были захвачены частными корпорациями. Хотя лейбористы выборы проиграли, они заработали значительное количество голосов. Другой пример - выборы в США в 2016 году. Берни Сандерс, один из кандидатов в президенты, стал еще одним примером политика откликнувшегося на все разрастающийся хор голосов, критикующих контроль корпораций над экономикой.

Впрочем, проблема остается сложной. Страны остаются наилучшими представителями для создания ограничений международным компаниям. В то же время необходимы децентрализованные экономические структуры, особенно когда речь заходит о базовых потребностях. Подобные локальные экономики нуждаются в экологических и социальных защитах, национальных и международных регулированиях, которые разрабатываются с участием местных политиков. Это похоже на платформу La Via Campesina, организации из Южной Америки, которая сейчас вышла на международный уровень. Они не выдвигают кандидатов на политические позиции, однако они представляют более 400 миллионов небольших фермеров по всему миру в их борьбе за продовольственный суверенитет и против корпоративного дерегулирования.

Локализация может привести к снежному кому решений. Она может восстановить демократию благодаря снижению влияния больших компаний на политиков и большей подотчетности политиков простым людям, а не корпорациям. Она может помочь с перераспределением богатства благодаря созданию большего числа малых бизнесов и поддерживая цикличную экономику на местном уровне. Она может минимизировать загрязнение и количество отходов благодаря удовлетворению реальных человеческих потребностей, а не желаний, придуманных потребительской культурой, и благодаря сокращению расстояний между производителем и потребителем.

Локализация также позволяет людям яснее видеть результаты своих поступков. Например, в более локальных экономиках очевидно, если производство еды зависит от токсичных химикатов, если присутствует плохое отношение к фермерским работникам, и насколько здоровой остается земля. Таким образом бизнес становится более ответственным.[17]

Благодаря предпочтению более разнообразного производства для местных нужд перед специализированными производствами на экспорт, локализация позволяет перераспределить экономическую и политическую силу от глобальных монополий к миллионам небольших производителей, фермеров и бизнесов. Она и далее децентрализует политическую власть и устанавливает ее на уровне местных сообществ, что позволяет людям иметь больше контроля над своей жизнью.

Все больше людей приходят к локализации как к систематическому решению своих проблем. Это заметно благодаря впечатляющему росту разнообразных локальных инициатив. От таких проектов как коммунальные сады, фермерские рынки, продовольственные схемы и городское сельское хозяйство, поддерживаемые местным сообществом, до местных бизнес сообществ, децентрализованных программ возобновляемой энергии, библиотек и образовательных проектов.

#### **Вот короткий перечень некоторых инициатив:**

В городе Фитзрой, Австралия, люди каждый месяц встречаются в парке, чтобы обмениваться продуктами, семенами, яйцами, вареньем, цветами, рецептами и садоводческими советами. Все бесплатно и можно брать то, что необходимо. Этот Городской Урожай, как участники сами называют мероприятие, не только позволяет сэкономить на еде, но и позволяет соседям лучше узнать друг друга и укрепить связи в своем сообществе.[18]

В штате Вермонт, США, ферма под названием Pine Island Community предоставляет беженцам из Африки и Азии возможность практиковать свои сельскохозяйственные и кулинарные традиции. Ферма не только дает возможность выращивать доступную, привычную еду, она также знакомит их между собой и с их новым сообществом.[19]

В Оксфорде, Великобритания, компания Low Carbon Hub работает над тем, чтобы создать инфраструктуру для возобновляемой энергии, которая будет принадлежать местным жителям и будет полностью децентрализована. Они превращают крыши и заброшенные участки в микро-станции для местных нужд. Все оплачивается благодаря продаже долей в компании напрямую местным жителям.[20]

Даже финансовые системы, источник такого количества зла и проблем, локализуют с ошеломительным эффектом. В трущобах Форталеза, города в Бразилии, был создан местный банк Las Palmas. Он управляется местными

жителями с целью помогать местным нуждам. Среди прочего банк выпустил свою валюту, которая признается только внутри сообщества. Когда проект только начался около 20% всех покупок совершались локально, сейчас это больше 90%. [21]

Это всего лишь несколько примеров из тысячи массовых инициатив, которые доказывают жизнеспособность и системную пользу локализации.

К сожалению локализацию иногда путают с изоляцией и даже крайне правым национализмом. На самом деле все наоборот: локализация требует международного сотрудничества и солидарности для того, чтобы остановить влияние корпораций. Она строится на глубоком уважении к культурному разнообразию, а значит лучше принимает различия.

Хорошим примером того, как локализация расширяет сотрудничество, может служить город Престон в Великобритании. В 2011 году городские и районные советы поставили цель локализовать закупки в ответ на сокращение финансирования из национального бюджета. Благодаря смещению трат всего шести служб, таких как полиция, жилищные организации и колледжи, им удалось увеличить процент расходов, приходящихся на местных поставщиков, с 14% до 28% всего за два года. Как следствие заметно выросло количество местных бизнесов, направленных на сотрудничество. [22] Престон далек от изоляции: городской совет сейчас сотрудничает с городами по всему Европейскому союзу как участник Европейской сети закупок. Цель этой организации - понять, как можно сделать похожие изменения в каждой локальной экономике.

Другие подобные организации появляются и растут как внутри стран, так и на международном уровне. Один из примеров - BALLE (Business Alliance for Local Living Economies, Бизнес Альянс за Локальные Живые Экономики). Эта организация объединяет сотни глав местных бизнесов по всей Северной Америке и предоставляет им возможность делиться лучшими решениями. Другой пример - New Economy Coalition (Коалиция Новой Экономики). Они сводят вместе НПО, бизнесы и активистов по всей Северной Америке для разработки стратегий по локализации. Сообщество Transition Town (Переходный Город) соединяет вместе группы, которые работают над как можно большим отказом от использования ископаемого топлива. Моя организация Local Futures (Локальное Будущее) создала IAL (International Alliance for Localization, Международный Альянс Для Локализации). Наша задача вывести локализацию на международный уровень, и сегодня в наш альянс входят организации и участники из более 50 стран. Настоящая локализация означает местный масштаб в мировом масштабе, а значит требует сотрудничества на всех уровнях.

Большой проблемой для принятия локальной повестки среди прогрессивно мыслящего населения была видимость, что локальные и натуральные продукты являются "элитистскими" и доступны только людям с достатком. Корпоративные экспертные комиссии эффективно распространяли это мнение. Однако более высокие цены на более полезные для здоровья продукты, будь то органическая еда, местные натуральные строительные материалы или альтернативные медицинские препараты во многом являются продуктом внешних затрат и государственных субсидий для экспортных продуктов корпораций. Если убрать эту искусственную поддержку, то цена глобальных продуктов будет недоступна для большинства.

Похожее обвинение в "элитизме" заключается в том, что северные экономики работают на локализацию и отворачиваются от бедного населения глобального юга, которому необходимы северные рынки сбыта, чтобы выбраться из бедности. На самом деле проблема заключается в том, что многие годы развитие было сфокусировано на экспорте (что исторически проистекало из колониализма и рабства). Это привело к тому, что многие южные страны оказались в глубоком долгу по большей части из-за расходов на создание инфраструктуры, необходимой для глобальной торговли. Сегодня большая часть благосостояния, заработанного на труде южных работников, идет на погашение долга, а не на локальные нужды. Поддержка локализации означает поощрение людей на севере и на юге диверсифицировать их экономические занятия и стать более самодостаточными. Для севера это означает перестать использовать труд людей на другом конце света, чья бедность - это прямое следствие работы на экспорт вместо работы на свои нужды. Разрушение этой созависимости по обе стороны света не означает внезапного бойкота. Для этого нужен осторожный и последовательный экономический процесс, в который будут вовлечены народные организации как с юга, так и с севера

В свете глобального экологического, социального и экономического кризисов, государствам следует фундаментально изменить направление работы. Вместо того, чтобы продолжать дерегулирование и субсидирование больших, глобальных банков и бизнесов, им следует сосредоточиться на поддержке местной торговли и небольших производителей. Еда - это то, что необходимо всем повсюду каждый день, и ключевым фокусом должна стать перестройка локальной экономики еды. Это укрепит всю экономику, восстановит местные сообщества и поможет оздоровить окружающую среду. Это также укрепит устойчивость перед изменениями климата благодаря разветвленным системам локального производства в созависимой сети вместо зависимости от далеких источников для удовлетворения базовых потребностей. Такие сообщества смогут лучше противостоять предстоящим невзгодам.

Неудивительно, что пиар отделы международных корпораций делают все возможное, чтобы опровергнуть эти идеи. Они утверждают, что несмотря на цену глобальной продуктовой системы, у нас нет выбора кроме как удвоить использования химикатов и энергетически затратных монокультур, генной инженерии и международной торговли, если мы хотим накормить растущее население.[23] Они полностью игнорируют исследования по всему миру, которые подтверждают, что небольшие фермы приносят больше урожая на тот же участок земли, количество воды и расход энергии, чем большие поля монокультур.[24] Индустриальная агропромышленность эффективна только при расчете на единицу труда: монокультуры показывают прекрасный результат, если наша цель - прибыль для единиц за счет миллионов рабочих мест на фермах. Однако если наша цель - устойчиво и последовательно производить как можно больше еды при ограниченном использовании земли, воды и энергии, то монокультуры не выдерживают конкуренции.

Тем, кто живет на глобальном севере, где индустриализация сельского хозяйства началась много десятилетий назад, легко не заметить, что большая часть поглощаемой сегодня еды выращена небольшими фермерами на участках меньше 5 акров.[25] Заменить эти небольшие хозяйства индустриальными монокультурами означает отобрать средства к существованию у сотен миллионов людей и обречь их на реальную бедность в городских трущобах. Не стоит удивляться, когда значительная часть этих миллионов становится озлоблена, недовольна и подвержена экстремистским взглядам.

Мировая продовольственная система неэффективна во многом, особенно если обратить внимание на так называемую "избыточную торговлю". Великобритания экспортирует более 100 000 тонн молока, хлеба и свинины в год в среднем. При этом она импортирует примерно те же объемы тех же товаров. Так же обстоят дела в США - они импортируют около 1 миллиона тонн говядины, сотни тысяч тонн картофеля, сахара и кофе.[26] В некоторых случаях это буквально тот же продукт на экспорт и импорт - например, креветки из Шотландии отправляются в Китай, где их очищают вручную, и потом отправляют обратно в Шотландию, где их обваливают в панировке, упаковывают и продают.[27] Возможно, это улучшает показатели агробизнесов, однако это никак нельзя назвать эффективным использованием ресурсов.

Нынешняя продовольственная система в текущем состоянии не способна устойчиво прокормить мировое население. В то время как еда все более сильно контролируется корпорациями, около 870 миллионов людей голодают.[28] И это несмотря на то, что в мире производится достаточно еды, чтобы накормить всех на планете. Например, в США долгие цепи поставщиков и корпоративные нормы по выбрасыванию непривлекательно выглядящей еды приводят к тому, что более

40% выращенной еды отправляется на свалку.[29] Количество еды, выбрасываемой по всему миру, в четыре раза больше того, что было бы необходимо для искоренения мирового голода.[30]

Для поддержки локальных продовольственных организаций можно перенаправить субсидии на усиление местной инфраструктуры, в частности прямых поставок от местных производителей к местным потребителям, или на прямое финансирование небольших ферм с разнообразными продуктами. Подобные изменения привели бы к тому, что местные экономические системы, приносящие рабочие места и улучшения в экологии, быстро стали бы доминирующими. Это позволило бы работникам по всему миру, получающим низкие зарплаты, наконец получить выгоду от их местной экономики. Похожим образом, если снизить субсидии на ископаемое топливо и поднять налоги на загрязняющие производства, то скрытые расходы стали бы включены в конечную цену, что привело бы к более реалистичным (и высоким) ценам на предметы. Подобные изменения привели бы к тому, что вещи, произведенные локально, стали бы более доступным и дешевым вариантом для большинства людей.

Все большая популярность авторитаризма - это одно из многих взаимосвязанных последствий экономической глобализации. Сегодня мировая экономика усиливает экономическую неуверенность, дробит сообщества и подрывает индивидуальную и культурную идентичность. Таким образом создавая благодатную почву для процветания авторитарных лидеров. Если экологическим ценам глобализации, как изменение климата, опустынивание, наводнения, и дальше позволять расти, можно ожидать еще большего числа беженцев, что приведет к еще большей нестабильности внутри стран, а также все меньшему желанию и возможности этих стран вести себя гуманно.

Наиболее стратегический путь по избежанию этих кризисов - это немедленно начать уменьшать и децентрализовать экономическую активность, позволяя местным сообществам и экономикам удовлетворить как можно больше собственных потребностей, включая потребность в человеческом контакте.

Движение к экономической локализации потребует многочисленных стратегических шагов: распространение информации, динамические политические кампании, просвещенные акции на массовом уровне и международное сотрудничество. Может показаться, что перед лицом сегодняшних проблем, этого не достаточно. Однако есть огромный потенциал собрать вместе множество людей с разными политическими убеждениями, и провести сотни одноразовых кампаний. Это позволит нам перейти от обвинений и враждебного разделения из-за непониманий к объединению ради общей цели и пониманию общих проблем и причин многих кризисов. В таком виде

систематическая, совместная локализация это самое эффективное противоядие против авторитаризма.

Read blog in English here: <https://www.localfutures.org/localization-a-strategic-alternative-to-globalized-authoritarianism/>

Read all our blogs here: <https://www.localfutures.org/blog/>